

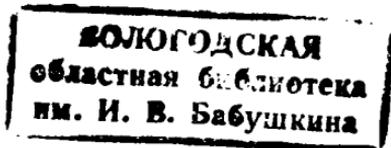
«Вологда. XX век»

Виктор БАРАКОВ

СЛОВО В ВЕЧНОСТИ

(О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ)

К11296887

Вологда. 2000

Виктор БАРАКОВ

Литературоведческие и критические работы скопились в архиве Виктора Николаевича Баракова еще в студенческие годы, но первую книгу он опубликовал тогда, когда почувствовал, что его время пришло: в 30-летнем возрасте. И теперь он работает постоянно, но без спешки — опыт молчания научил многому. Каждый год жизни для него — целая вечность. Вся «трудовая» и духовная биография В. Н. Баракова — в книгах и брошюрах, вышедших в основном в Вологде и Москве: «Лирика Николая Рубцова» (1993); «Современная русская лирика» (1994); «И не она от нас зависит...»: Заметки и размышления о поэзии Н. Рубцова (1995); «Юрий Кузнецов: Очерк творчества» (совместно с К. Анкудиновым, 1996); «Чувство земли» (1997) и других. Печатался он также в журналах «Москва», «Север», «Литература в школе», «Радонеж», в еженедельнике «Литературная Россия»... Личная жизнь, — считает Виктор Бараков, — потому и личная, что скрыта от посторонних глаз и ушей. Но своих пристрастий он не скрывает: самый красивый город в мире для него — родной Великий Устюг, самое ласковое море — Черное, и самое сказочное место на земле — русский лес.

В 1999 году доктор филологических наук, профессор Вологодского госпедуниверситета В. Н. Бараков стал первым лауреатом Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова и был принят в Союз писателей России.

ПОСЛЕДНЯЯ РУСЬ

(поэма Н. Клюева «Песнь о Великой Матери»)

Давно уже стихли голоса критиков, обвинявших Н. Клюева в реакционности, «патриархальности» и вроде бы намертво приклеивших ярлык «кулацкий» и ему, и другим русским поэтам-мученикам. Но до сих пор Клюев виноват — в том, что труден для восприятия, «сложен», в том, что «не понял своего времени», и вообще, — к чему нам теперь «клюевские иллюзии, его поэтический идеализм»?

И вот перед нами огромное (4 тысячи строк) оригинальное произведение, пролежавшее на Лубянке 57 лет, навсегда, как казалось Клюеву, потерянное и неожиданно воскресшее.

В нем Клюев выразил собственное, имеющее глубокие национальные корни понимание русской и мировой истории.

«Песнь...» — вершина клюевского творчества, лиро-эпическая поэма, стоящая в русской литературе особняком. Во вступлении Клюев сразу определяет темы своей «Песни...», перечисляя их рефреном в первых четырех строфах: гусли (мелодия природы), притчи (православная София — мудрость), тайны (молитвы перед образом пречистым) и вести (также от природы). Таким образом, здесь названы две неразрывные части русского религиозного сознания и одновременно два источника клюевского вдохновения: языческое поклонение природе и христианство. Поэт не случайно расположил строфы в крестообразной

смысловой связи (первая — с четвертой, вторая — с третьей) — он просто перекрестился перед дальней дорогой, перед тем, как начать сказание — естественный для верующего человека жест. Нам же приходится согласиться с завершающими строками его «словесного креста»: «Но испить до дна не всякий Может глыбку страницу». Это сможет сделать лишь тот,

Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый...

Итак, в начале поэмы поставлена одна из самых важных проблем духовной жизни России трех последних веков: проблема веры. В трагическое время берется за ее художественное решение Клюев: «Родина-вдовица», Россия — оставлена Богом... В день отречения царя произошло явление иконы Божией Матери, и голос с небес подтвердил, что отныне только она берет Русь под свое покровительство и защиту (Великая Мать у Клюева — не только Россия, но и Богородица). Поэт предлагает читателю путешествие «по тропинкам междустрочий», где кроются зашифрованные в тексте тайны. Сумеют ли наши современники «испить их до дна»? Тут нужна особая чуткость к красоте, приметы которой поэт передает в последней, «цветовой» строфе вступления, где стих «разузорен» сурьмой, команикой и малиной, где сверкают голубые очи и бродят голубые лоси в зеленом кедровом бору. Все это — лик русского народа, лик «исконный», по словам Клюева, который, увы, обожжен «гарью адских перепутий». Концовка вступления — одновременно и начало трагической темы Апокалипсиса:

Ах, заколот вещей лебедь
На обед вороньей стае,
И хвостом ослиным в небе
Дьявол звезды выметает!

И современные смысловые и древние символические контрасты этих четырех строк подтверждают вышесказанное.

Первая часть «Песни...» насколько автобиографична, настолько и фантастична. В ней воедино сплетены и реальные бытовые подробности жизни семьи Клюевых, и сказочные картины, и удивительные вещие сны. Так, ее начало —

«бревенчатый» сон-воспоминание о потерянном в лесных дебрях раскольничьем ските, где мастером Акимом Зяблецовым «с товарищи» строится деревянный храм. Птица Сири́н осеняет его своим крылом, благословляя людей на добрые дела: «И многие годы на страх сатане Вы будете плакать и петь в тишине!» Воспоминания о детстве у Клюева, действительно, похожи на сладкие сны, которые часто жестоко обрываются,— поэт, очнувшись, в сердцах восклицает: «И детство — зайчонок слепой Заклевано галок гурьбой!» Эти тяжелые пробуждения своими толчками снова и снова напоминают о действительности. Единственное, что не покидает его — любовь к маме, сердце поэта постоянно воскрешает в памяти материнский лик. Прасковья Дмитриевна была не только великолепной сказительницей и плакальщицей, но и убежденной староверкой, хранительницей древних мудрых книг, широко образованной женщиной, знавшей греческий, латинский, арабский языки и, разумеется, старославянский. «Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери»,— писал Клюев.

Первая глава поэмы — прежде всего рассказ о ее юности («ей было восемнадцать весен...»). Лучшие интимно-лирические страницы «Песни...» (авторские отступления, колыбельные песни-сны) посвящены матери, да и само название поэмы включает в себя триединый облик Руси, Богородицы и Матери человеческой.

Девушка Прасковья — красавица и умница, чистая, богобоязненная душа, но и не без милого наивного кокетства:

Она шептала: «Боже, Боже!
Зачем родилась я такой,—
С червонной, блёскою косой,
С глазами речки голубее?!..»

Событийная часть поэмы начинается с того момента, когда Паша собирается и едет в гости к своей подружке Арине. Бытовые подробности здесь замечательны. Так, Прасковья поехала налегке и взяла с собой... шесть сарафанов, огромный платок, шубу, целый пласт сорочек и стопку полотенец: «Чтоб не утерлася в чужой, Не перешла б краса к дурнушке». Ждет ее дорога — ни много ни мало — длиною в 90 верст, от Соловецкого погоста до Лебединого скита. Параша без особого страха совершает это путешествие, и вот она уже в гостях, уснула в обнимку с «душенькой Аришей». Поэт любовно рисует милую его сердцу идиллическую картину, но ему не изменяет чувство внутреннего такта, характерное для русской традиционной культуры:

Мне скажут — дальше опиши
Красу двух елочек полесных!
Побольше было в них души,
Чем обольщенный всем

известных...

Утром в избе у подружки праздник. Накрыт богатый стол. Вечером — посиделки, Параша поет на них песню о девице-утушке и молодце-селезне приглянувшемуся ей Федору, сыну Каллистрата. Но тучи сгущаются над ее головой... Недалеко от избы, в срубe, живет беглец из Соловков, отец Нафанаил. Паша идет к нему. Нафанаил «в дерюжной мантии» поразил ее возгласом: «Встречаю новобрачную!» — и указал на хозяина-«моржа», старого китобойца, отца Ариши. Прасковья падает в обморок и на руках у влюбленного в нее стареющего вдовца видит сон о «рубине востока» — русском престоле, к которому тянется чья-то жадная черная рука...

Параша не по своей воле принимает решение выйти замуж за пожилого поморца:

Прости, Владычица, рабу!
Святой Феодор Стратилат,
Ты мой жених и сладкий брат!
Тебе вручается душа,
А плоть, как стены шалаша,
Я китобойцу отдаю!..

Из автобиографии Клюева мы знаем, что его отец взял девушку «за красоту» в то время, когда ему было 50 лет.

На этом действие первой части не заканчивается: Прасковья Дмитриевна снова дома, в окружении многочисленных святых, но тайком, ночью она покидает родную избу и отправляется одна через непроходимую тайгу «в Царьград». Там, в глухой тайге, и происходит ее чудесная, озарившая новым светом всю ее жизнь, встреча с Матерью Божией Марией. Богородица предсказывает дальнейшую судьбу Паши и определяет главное ее жизненное предназначение:

Как я, вдовцом укрыта,
Ты росною раkitой
Под платом отцветешь
И сына сладкопевца
Повыпустишь из сердца,
Как жаворонка в рожь!

Он будет нищ и светел —
Во мраке вещей петел —
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повергнут у дорог.

Последние слова Богоматери, которые слышит Прасковья,— ясное предупреждение: «Запомни, Параскева — Близка година гнева, В гробу Святая Русь!»

Параша идет дальше. но «страшат беглянку дебри», она пытается укрыться и принимает за сруб берлогу. Услышав ее крик, Федор, Каллистратов сын, вырывает ее из медвежьих когтей, но, смертельно раненный, погибает. «Судьба в колотушку стучит»,— такими словами заканчивает Клюев повествование в первой части поэмы.

Прасковья в точности выполнила и свой материнский долг, и наказ Святой Марии. Она выучила Николеньку той грамоте жизни, которую не познать из обычных учебников:

Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Злая Чепь и Веры Щит,
Четвертый список белозерский,
Иосиф Флавий — муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград —
Сиречь Прохладный вертоград,
С Воронограем Список Вед,
Из Лхасы Шолковую книгу,
И Гороскоп — Будды веригу
Я прочитал в пятнадцать лет —
Скитов и келий самоцвет.

Уже тогда он читал «епистолию» — послание о том, «чем кончится Россия».

Еще дед Клюева по матери принадлежал к расколу, к секте самосожженцев. Н. Клюев 2 года был «царем Давидом», т. е. занимал в сектантской общине должность слагателя религиозных, «радательных» песен-псалмов по примеру автора Псалтыри (одной из книг Библии) — царя Давида. «Я — сын двоперстья»,— говорил поэт о себе. Песни его со временем превратились в старооб-

рядческий фольклор (в брежневские времена сектанты Кубани пели свои песни на стихах Клюева и Есенина).

В огромных пространствах России плыли многочисленные «корабли» и «кормчим» этих кораблей было видно то, о чем официальное знание догадывалось, но умалчивало (совсем не случайно А. Блок собирался исследовать жизнь и философию старообрядчества).

...от дьявольских копыт
Болеет мать земля сырая,
И от Норвеги до Китая
Железный демон тризну правит!
К дувану адскому, не к славе,
Ведут Петровские пути!..—

гласили древние свитки. А. И. Солженицын недавно высказал мысль о том, что раскол — одна из причин трагического хода российской истории. Петровские реформы выбили почву из-под ног православного народа, старообрядцы же оказались наиболее стойкой его частью. Даже Православная Церковь, которая вела с расколом длительную и жестокую войну, в наши дни признала его, дивясь (не без зависти) силе духа «сынов Аввакума».

В основе русского раскола всегда лежали охранительные религиозные традиции, потому так неприязненно «божий люд» относился к любой экспансии с Запада. Там обитал «дух некрещеный», там все было «без души», «заморская тьма» (солнце садится на западе) всегда стремилась покрыть собой и Россию. Недаром тень от копья Георгия Победоносца падает на восток! Характерно, что Клюев в своей поэме упоминает Сиам, Сион, Александрию, Месопотамию, но абсолютно не приемлет западных святых.

Одно из центральных событий второй главы «Песни...» — сбор отцов («кормчим»), которые по определенному заранее потайному знаку собрались в подземелье в свой условный час и срок. Собор вел пресветлый Макарий, пришедший с Алтая. Его рассказ, весь состоящий из пророческих видений, приводит нас в замешательство — Макарий предвидел самые отдаленные события: гражданскую войну, губительное для природы наступление железных машин, запустение деревни, даже гибель Аральского моря и экологическую катастрофу на Волге и на Украине:

К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,

И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!*

К нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!

Точность и подробность описания будущего, действительно, потрясают, но они — не единственные в своем роде. О подобном говорил, например, Св. Серафим Саровский, да и в народе бытовали стойкие представления о дальнейшей российской жизни. Н. Клюев в 1908 году в статье «С родного берега» писал, что «в Псковской губернии видели огненного змея, а в Новгороде сжатая рука Спасителя, изображенного на городской стене, разжимается. Все это предвещает великое убийство — переমেженье для России, время, когда брат на брата копые скует и будет для всего народа большое попленьене».

Пророчества пресветлого Макария органично соединяются в поэме с авторским отступлением («Клад ты мой цареградский»), в котором дорисовывается эта общая апокалипсическая картина.

Тем временем в сюжете «Песни...» продолжается автобиографическая линия. Мать посылает Николеньку на Соловки, к отцам Савватию и Зосиме на учение. Она предсказывает свою кончину через «семь плакучих легких лет» и дает ему свое благословение:

Тебе дается завещанье,
Чтоб мира божьего сиянье
Ты черпал горсткой золотой,
Любил рублевские заветы,
Как петел синие рассветы
Иль пяльце девичья игла...

В Соловецком монастыре Николенька прожил вместе со схимниками несколько лет, и молва о чудо-отроке разнеслась по всей округе. Между прочим, взгляд на современность у православных монахов и раскольников оказался общим. Так, Савватий учил молодого Клюева:

* В Сарове (бывший Арзамас-16) было создано первое советское атомное оружие.

Узнай, лосенок, что отныне
Затворены небес заставы,
И ад свирепую облавой,
Как волк на выводок олений,
Идет для ран и заколений
На Русь, на Крест необоримый.
Уж отлетели херувимы
От нив и человечьих гнезд,
И никнет колосом средь звезд,
Терновой кровью истекая,
Звезда монарха Николая,—
Златницей срежется она
Для судной жатвы и гумна!

В своей поэме автор с большим уважением говорит о схимниках и с теплым чувством вспоминает об этом периоде своей жизни: «И было в келье мне, как в храме, Как в тайной завязи зерну...» В современной научной литературе, однако, существует другое мнение на этот счет: «Аскетический образ жизни... пришелся юноше не по душе. Общительный характер, которым он был наделен от природы, его страстный интерес к окружающей жизни не понравились монахам с самого начала. За молодым прислужником (правильно: по́слушником — В. Б.) был установлен тщательный надзор. Это вызвало с его стороны открытое недовольство. После одного объяснения с «братьями» Ключев ушел из монастыря» (Н. Неженец). «В калигах и посконной рясе» Ключев возвращается с Кольского полуострова в родные места: «Глубокоокый и пригожий, смолисторудый, пестрядной, Мне улыбался край родной...» Здесь ожидало его тяжелое испытание: дома умирала мать. Попрощаться с ней из разных мест прибыли «китежане» — люди невидимого града, пришли даже три старца из Персии. Успение ее было тихим и светлым:

Николенька, моя кончина
Пусть будет свадьбой для тебя,—
Я умираю не кляня
Ни демона, ни человека!..

Ключев потерял мать в точный срок, ею предсказанный. Прасковье Дмитриевне было тогда 37 лет. Удар для Николая оказался настолько сильным, что он «упал замертво и лежал три дня недвижимо. Стали считать и его умершим. Но вдруг он страшно закричал и открыл глаза.

Придя в себя, вот что он рассказал: маменька явилась ему, светлая, живая, окруженная светлым облаком. Взяла его на руки (он видел себя в возрасте 4-х,

5-ти лет) и полетела с ним. Ничто им не было там препятствием; они пролетали необъятные пространства: виднелись глубокие пропасти, много страшных чудовищ, ветры сильные, бури огневые. Коля очень боялся. Но мать успокаивала его, держа на руках. Но вот они прилетели в чудное, тихое, благоуханное место — и перед широкой белораморной лестницей, уходящей в необозримую высь, остановились. Параскева спустила Коленьку с рук и поставила у лестницы. Взяла его за руку — и стали они подниматься по лестнице. Но, поднявшись всего лишь несколько ступеней, несмотря на усердное моление маменьки взять сына с собой, они вдруг услышали громовой голос: «Не готов!» — и все исчезло» (публ. А. Михайлова).

Третья глава «Песни...» («Гнездо третье») — наиболее загадочная. В ней рассказывается о событиях 14-го — 16-го годов: Великой войне (ее еще называют первой мировой) и убийстве Григория Распутина. В начальных двух частях главы действует эпизодическое лицо: призванный в армию из лопарских мест «лебеденок» Алеша. За русскую картинную статью («королевич Бова!») его отправляют на службу в Царское Село. Клюев, рассчитывавший, вероятно, сделать «птенца» Алешу главным героем третьего «гнезда» (сам поэт по нездоровью был освобожден от военной службы), все-таки не решается доверить ему совершить важнейший сюжетный ход — провести идейный поединок с Распутиным:

Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать.
Чтобы смог лебеденок Алеша
Бородатую русскую лошадь
Полудетской рукой обуздать!

В стихотворениях поэта это имя встречается довольно часто («Меня Распутиным назвали...» и др.); Клюев (по собственному свидетельству) был с ним знаком, встречались они неоднократно, и отношения их друг с другом складывались непросто. Спор Клюева с Григорием, — и в жизни, и в 3-й главе поэмы, — имел не только личный, но и своеобразный нравственно-религиозный подтекст. Распутин являлся, как и Клюев, одним из лидеров русского раскола, одним из вождей духовных христиан, так называемых «хлыстов-христововеров». Привычный всем нам образ развратника и шарлатана был навязан «желтой» прессой еще при его жизни. Но не все было так просто. По свидетельствам современников, Распутин обладал философским складом мышления, тонким политическим чутьем и, согласно своим убеждениям, последовательно проводил христианско-демократическую линию, целью которой была реформа православной церкви: «Мой бог обрядней, чем Христос...» Все это в определенной

степени соответствовало потребностям крестьянской массы. Но Клюев угадал в нем нечто иное, более опасное, чем обычное реформаторство — личину лжепророка. «Я — маленький Христос», — говорил Распутин.

В Царском Н. Клюев впервые увидел Николая II — в саду, который, «уже померкший, Весь просквозил нетопырями, Рогами, крыльями, хвостами...»:

Свершилось давнее. Семужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался въявь с судьбой
России — матери матерой,
И слезы застилали взоры...

Любовь к царю и страх за его будущее, а значит, — и за будущее России приводит поэта к мысли «выкогтить заклепку» — Распутина — «Из Царско-сельского котла, Чтоб не слепила злая мгла Отечества святые очи!». Фантастическим образом в ту декабрьскую ночь, когда «бес» был приговорен Юсуповым и Пуришкевичем к смерти, Клюев оказывается возле Черной речки вместе с Есениным, которого он называет «богоданным», «вещим» братцем (в конце 1916 года поэт, действительно, выступал вместе с Есениным на поэтических вечерах в Петербурге). Они оказываются свидетелями последних минут жизни Григория Распутина. Клюев выносит ему свой неумолимый приговор:

России, ранами обильной,
Ты прободал живую печень,
Но не тебе поставит свечн
Лошкарь, кудрявый гребнедел!
Есть дивный образ, ризой бел,
С горящим сердцем, солнцеликий...

Может показаться, что поэт придает этому событию слишком большое значение... Увы, «убийство ближайшего советника императора в конце декабря 1916 года стало поворотным пунктом в истории Российского государства и русского народа... Царь отрекся от престола, его арестовали. Глава Временного правительства А. Ф. Керенский, едва получив власть, первым делом приказал найти могилу старца Григория, выкопать гроб с его телом и привезти в Петербург; гроб неделю прятали на конюшне. Потом по личному распоряжению Керенского гроб с телом Распутина отвезли за город и в лесу сожгли, торопливо составив акт» (В. Фалеев). Так закончилось еще одно действие кровавой трагедии России (два года спустя сожгут тела царя и его семьи).

Заключительные две части последней главы «Песни...» (второй вариант

названия поэмы — «Последняя Русь») завершают ее идейно-тематическую и образную канву. Современная действительность для Клюева — «лихие тушинские годы», где «правят бесы», пожирая «то коня, То девушку, то храм старинный...»; где молитва, милостыня, даже обычная ласка — «пороки» индустриального «прогресса»; где окно с «девичьей иголкой» —

Заполыхало комсомолкой,
Кулачным смехом и махрой
Над гробом матери родной!

Поэт обращается к «посмертному другу», т. е. к читателю:

Бежим, бежим, посмертный друг,
От черных и от красных вьюг,
На четверговый огонек,
Через Предательства поток,
Сквозь Лес лукавых размышлений...

Единственный путь к возрождению Руси для Клюева — **Вера**:

Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи,
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом...

Ибо то, что происходит в России — часть общемировой схватки сил добра и зла и «религиозный смысл этих исторических событий не вызывает сомнений. Стремилась уничтожить Россию как престол Божий, русский народ — как народ-богоносец» (митрополит Иоанн). Надежда у Клюева одна — на будущие поколения россиян:

Святые девушки России —
Купавы, чайки и березки,
Вас гробовые дают доски,
И кости обглодали волки,
Но грянет час — в лазурном шелке
Вы явитесь, как звезды, миру!

Ведь живет же в глубине Руси, укрытая кедровым шатром, дочь у давно овдовевшей подруги Прасковьи Дмитриевны — Арины — дочь Настя. И Любовь ее — тоже единственная и неизменная — любовь к Богу:

Вся в бабу, девушка в семнадцать
Любила платом покрываться
По брови, строгим, уставным,
И сквозь келейный воск и дым
Как озарение опала,
Любимый облик прозревала...

Действие поэмы разворачивается на огромных пространствах России, но в тексте упоминаются и Лапландия, и Шираз, и Кавказ, и Индия. «Песнь...» имеет все три временных измерения: настоящее, прошлое и будущее, они свободно входят друг в друга. Ритмическое ее строение разнообразно: звучат и колыбельная песня («Усни, мой соенок, усни!..»), и сказ, и частушка; не чужды ее словесной ткани узорные притчевые отрывки, лирические протяжные песни, а также ритмы былины и баллады. Любимая рифма «Песни...» — парная. Фольклорная основа произведения видна и в широком использовании поэтом олицетворений, сравнительных оборотов, традиционных тропов («Перекликались озера», «Как березка, ровен стан...», «скатилось солнце...» и др.). Кроме постоянных, он вводит в текст неожиданные эпитеты: слюдяный мрак, янтарное яичко, бисерный органец. Нередки в поэме русские сказочные образы: Финист — Ясный Сокол, Василиса Прекрасная, Роман-царевич (которых полонил «ворог котобрысь») и «приволочил красоту на рынок»; образы общемифологические: птица Сири́н, Алконост, Левнафан. Индивидуальная особенность поэта — его любовь к составным словам: чудодейный, сизобраз, смолисторудый и т. п. Словарь у Клюева, как всегда, богатейший: от религиозной лексики (акафист, Утоли Моя Печали, Покров и др.) — до просторечий: бает, не замай (особенно в 3-й главе). Однако самая интересная и, к сожалению, малоисследованная особенность его поэтики — образная символика.

«Песнь о Великой Матери» — значительное и глубокое произведение, и этот первоначальный анализ поднимает лишь поверхностный пласт его содержания. Н. Клюев обладал богатейшими запасами народной художественной и философской мысли, огромной культурой. В своем творчестве «он опирался на самый широкий круг источников, полное выявление которых требует колоссальных исследовательских усилий» (Э. Мекш).

Особо нужно сказать о снах в поэме. Для Клюева это не просто художественный прием. Многие сны он запоминал и записывал, зная, что вскоре они станут пророческими. Вот что говорит об этом критик и литературовед Ал. Михайлов: «С детских лет начинаются сопутствующие ему всю жизнь вещи знаки его особенности свыше, приобщенности к незримому, потаенному

миру идеального бытия». Мать Клюева после своей смерти передала ему пророческий дар. О предсказаниях Клюева уже говорилось выше, но о некоторых из них хочется сказать отдельно. Вот цитата из текста поэмы: «По тихой Припяти, на Каме, Коварный заступ срезал цвет. И тигры проложили след». — Чернобыль? Вот запись сна: «Страшные вести будущей России принесет гонец из Карабаха». — ?? А вот и вовсе невероятное — дата: «Россия увидит начало расцвета нации в 1999 году»:

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок...

В 1999 году произошел незримый поворот ключа. Страна встрепенулась. И именно летом того же года вышло из печати первое полное собрание стихотворений и поэм Николая Клюева.

СЛОВО В ВЕЧНОСТИ

(Николай Рубцов)

Тайна русской души сокрыта в национальной поэзии. «В лирике наших поэтов, — писал Н. В. Гоголь, — есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому... Верховный источник лиризма — Бог», однако приходят к нему «одни сознательно, другие бессознательно, потому что русская душа вследствие своей русской природы уже слышит это как-то сама собой, неизвестно почему».

Когда говорят о религиозных мотивах в творчестве Николая Рубцова, либо какого-нибудь другого поэта советского времени, не оставляет ощущение некоторого неудобства от подобной категоричности. С одной стороны, большинство русских философов (Н. Бердяев, Л. Карсавин, Н. Лосский, В. Соловьев и др.) считали, что «основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» (Н. Лосский), что «существенный момент русского духа есть религиозность, включая и воинствующий атеизм» (Л. Карсавин), с другой — тот же Г. Федотов, например, был убежден, что «настаивать на исключительной религиозности русского характера неисторично и несправедливо». Более точным, наверное, был И. Ильин: «Русский народ нуждается в покаянии и очищении... у религиозных людей — в порядке церковном (по исповеданиям),

у нерелигиозных — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой. Рубцовские строки:

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.—

своеобразная исповедь перед лицом Бога.

Религиозный подтекст его лирики — тема отдельного разговора. Ю. Кузнецов, например, отрицает подобное у Рубцова, однако, если внимательно прочесть хотя бы «Избранное» поэта, то мы обнаружим:

Когда душе моей сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес...

Взгляд блуждает по иконам...
Неужели бога нет?..

Боюсь, что над нами
не будет возвышенной силы...

О чем писать?
На то не наша воля!

И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое... и т. д.

Черновики же говорят сами за себя:

Вот летят, вот летят
возвещая нам срок увяданья
И терпения срок,
как сказанье библейских страниц...

(«Журавли», ранняя редакция)

Сколько в небе святой красоты!

(«Венера», первоначальный вариант)

И вдруг явился образ предка
С холмов, забывших свой предел,
Где он с торжественностью редкой
В колокола, крестьясь, гремел!

(«Уединившись за оконцем», одна из редакций)

«Все великое и священное идет изнутри — от сердечного созерцания», — писал И. Ильин. «Что-то близкое к библейскому» было не только в стихах, но и в облике Николая Рубцова, в его характере. Об этом говорят воспоминания самых разных людей:

«Коля был человеком очень чувствительной и нежной души» (Галина Матвеева); «Доброты в нем было через край, доверчивости — еще больше: простота, не знающая границ...» (Александра Меньшикова); «Николай Рубцов был добрым. Он не имел имущества. Он им всегда делился с окружающими. Деньги тоже не прятал» (Глеб Горбовский); «Денег не берег... Бессеребренник и вечный странник» (Валентин Сафонов); «В компаниях он мог быть самым разным. То центром всеобщего внимания, то глубоким и тонким собеседником, то безудержным весельчаком, то молчаливым наблюдателем, то совершенно незаметным «неучастником». Он был всяким, но никогда не был ни вздорным, ни злым» (Эдуард Крылов); «Ни в одних стихах Рубцова даже тени нет озлобленности» (Виктор Астафьев); «Навязчивости в Рубцове не было никакой, пьяным за три почти года мне не довелось его видеть ни разу, и потому многое в рассказях о нем представляется досужим вымыслом» (Василий Оботуров); «После смерти стали говорить, что Рубцов пьяный писал стихи — это клевета. Он где-то уединялся и там писал. Как-то Бог руководит» (Виктор Астафьев).

Совершенно христианское видение жизни можно обнаружить не только в программных стихотворениях Рубцова («Философские стихи», «Старая дорога», «Русский огонек», «До конца» и др.), но и в обычных, рядовых стихах:

Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!

Сергей Багров пишет: «Часто он говорил, что хотел бы пожить на земле обыкновенным простым человеком». В рубцовской поэзии нетрудно найти подтверждение этим словам:

1296887

Вот, я думаю, стать волосатым
паромщиком мне бы!
Только б это избрать, как другие смогли,—
Много серой воды, много серого неба,
И немного пологой родимой земли...

Н. Рубцова тяготила искусственность и неискренность отношений в «интеллигентской» писательской среде, он чувствовал себя гораздо уверенней в общении с людьми «из низов». Там он находил и душевное участие, и подлинное понимание смысла собственного поэтического труда. Вот что рассказывает мать писателя А. Романова, Александра Ивановна: «...он стеснительно так подвинулся по лавке в красный угол, под иконы, обогрелся чаем да едой и стал сказывать мне стихотворения. Про детство свое, когда они ребятенками малыми осиротели и ехали по Сухоне в приют; про старушку, у которой ночевал, вот, поди-ко, как у меня, про молчаливого пастушка, про журавли, про церкви наши христовые, поруганные бесами... Я испугнуть-то его боюсь — так добро его, сердечного, слушать, а у самой в глазах — слезы, а поверх слез — Богородица в сиянье венца. Это обручальная моя икона... А Коля троеперстием-то своим так и взмахивает над столом, крестит стихотворения... Теперь уж не забыть его... Перед сном все карточки на стене посмотрел и говорит: «Родство-то у вас какое большое!» Будто бы позавидовал. «Да,— говорю,— родство было большое, да не по времени. Извелось оно да разъехалось» — «Везде беда»,— только и услышала в ответ...

Путру он встал рано. Присел к печному огню да попил чаю и заторопился в Воробьево на автобус. Уж как просила подождать горячих пирогов, а он приобнял меня, поблагодарил и пошел в сумерки. Глянула в окошко — а он уж в белом поле покачивается. Божий человек...»

Иногда в литературе о поэте можно встретить и такое «мнение»: мол, Н. Рубцов написал мало, его творчество изучено достаточно, сказать что-то новое о нем уже невозможно... Удивляет непонимание сути поэзии: если это поэзия, то она бесконечна, бессмертна, как Слово, и каждый человек, каждое поколение черпает вдохновение из этого океана. Завершится история, исчезнет человечество, погибнет земля, а Слово останется. В. Соловьев считал, что Слово (Логос) Божества — явный и действующий Бог. Тут он поистине «открыл Америку»: любой священник мог ему сказать, что голос совести — это голос Бога в человеческой душе.

В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1). Поразительно, насколько просто и ясно

объяснена в этом единстве Бога и Слова сама природа Божества! От сотворения человека Богом ему было дано Слово, Божественное начало, и вина человека, что это богатство он рассыпал и заменил чистейшее золото фальшивыми медяками... Правда, многие считают, что к Слову мы пришли сами, в тяжком труде теряя обезьяний волосяной покров — но это уж как кому угодно...

В 1964 году Рубцов в письме к А. Яшину признался, что в своей поэзии «предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». А ведь религия есть «всегда то или иное самоутверждение личности в вечности» (А. Лосев) — не в земной, временной жизни, а именно в вечности! Потому «его поэзия и способна, — пишет Г. Горбовский, — не только воспитывать в человеке чувства добрые, но и формировать более сложные духовные начала».

Николай Рубцов очень рано, в 14-летнем возрасте сделал свой выбор. Он написал в 1950 году:

Рассыпáлись листья по дорогам,
От лесов угрюмых падал мрак...
Спите все до утреннего срока!
Почему выходите на тракт?

Но мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.

Кто же знает, может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

Сознательным был этот выбор или бессознательным — теперь это уже и не так важно...

ДАЛЕКИЙ ПЛАЧ

(О книге Алексея Шадринова и не только о ней...)*

Алексей Шадринов... Светловолосый застенчивый юноша, совсем еще мальчик, доверчивый и впечатлительный, одаренный с самого детства особым, внутренним видением мира...

Алеша Шадринов погиб в армии в 1992 году, спустя день после того, как ему исполнилось 19 лет, а через два с половиной года после трагедии, в самом конце 1994-го вышла книга его стихотворений, собранных и отредактированных вологодским писателем Александром Цыгановым. Виктор Астафьев, прочитав ее, схватился за голову: «Погиб настоящий поэт! Некоторые его стихотворения написаны с лермонтовской мощью...»

Из послесловия к книге:

— «Преступление это до сих пор не раскрыто. Да его и не пытались раскрыть. Военный следователь с легким сердцем констатировал «факт самоубийства», старательно вписав в акт осмотра трупа мельчайшие подробности о чистоте тела, которые должны были, видимо, доказать, что никакого насилия (а уж тем более — надругательства) вовсе не было. Впоследствии, правда, когда тело предавали земле, на нем ясно видны были следы побоев, но на этом никто не заострил внимания. Мать и отец были в такой горе, что просто не нашлись просить о дополнительной судмедэкспертизе, сопровождавшим же из-под Красноярска это было никак не нужно.

Алексей Шадринов был обнаружен повешенным в солдатской кухне, куда его назначил в наряд сержант Ирисбаев одиннадцатый раз подряд. Последний раз это было в день рождения Алексея, совпавший с Днем Советской Армии) (Юрий Леднев).

«Далекый плач» — так назван посмертный сборник его стихотворений... Плач ли это матери, потерявшей сына? Или его души, ожидающей Страшного Суда? А может, (не приведи Господь!) плач Ангела-Хранителя?..

Алексей Шадринов родился и вырос в древнем вологодском городе Белозерске — в маленькой, но драгоценной обители русской культуры. Здесь, в так называемой провинции, снимал свою знаменитую «Калину красную» В. Шукшин, родом из этих мест русские поэты С. Викулов и С. Орлов, в музее которого есть теперь и стенд, посвященный А. Шадринóву (ударение в его фамилии нужно ставить на 3-м слого).

* Полный вариант статьи, опубликованной в журнале «Москва», № 10 за 1997 год.

Белозерск — самый старый на Русском Севере город, первое упоминание о нем датируется аж 862-м годом! Он мал, но примечателен как своим обликом, так и своей историей. Приезжих поражает величием единственный сохранившийся в первозданном виде земляной вал, окруженный бездонным рвом — так и кажется, что с его пятивековой высоты можно увидеть не только городские постройки и озеро-море, но и даль русской истории. Ведь дружина белозерских князей участвовала в Куликовской битве, и белозёра (так называют себя местные жители) почти поголовно испили до дна чашу бранного пира... Предок Шадринова, по его собственным словам, «на поле Куликовом Шел бойцом переднего полка...»:

Это он стоит перед глазами,
Устремив далекий грустный взгляд.
Он пришел с седыми волосами
И теперь уж не придет назад...

С XVI века сохранилась в городке и редкая по красоте деревянная церковь Успения, до сих пор действует уникальный в инженерном отношении обводной канал, построенный в XIX столетии вокруг Белого озера, коварного и смертельно опасного для судов своими неожиданными штормами... Но только поговорив с горожанами, начинаешь понимать, отчего Белозерск производит такое сильное и глубокое впечатление. Его облик — слепок с местного характера. И наоборот...

Здесь, в городской средней школе № 1, где учился Шадринов, и сейчас преподает «властительница его дум», любимая учительница литературы Ирина Анатольевна с «говорящей» фамилией Богомолова. «Наверное, нет человека, которого бы он больше всего уважал и боготворил,— вспоминает мать поэта.— Он очень много брал для себя на ее уроках, но больше всего от общения с ней». Алексей читал «запоем», любил стихи Байрона, Ахматовой, Пастернака, Есенина, книги вологодских писателей, перечитывал Гоголя и Шекспира, интересовался поэзией Хлебникова, Северянина, Бальмонта, Гумилева, но кумиром его был Рубцов. Уже в 17 лет Шадринов обрел полноту восприятия бытия и вслед за Николаем Рубцовым смог повторить: «Все на свете понимаю...»

Я отовсюду слышу ветер.
Я вижу серый небосвод.
Я знаю то, зачем на свете
Запущен дней круговорот.

В интонации его стихотворений отчетливо слышна лирическая мелодия, та музыка жизни, которая властно входит в наше сердце, и мы даже не задумываемся о причинах столь ошеломляющего напора. А причина стара как мир: у Шадринова — данный ему с рождения подлинный поэтический голос и слух, способный уловить в обыденном шуме истинное его звучание. В 13-летнем возрасте он ощутил себя пленником природы и склонил голову перед ее животворящей силой:

Теперь я пленник навсегда
Озер, прудов и рек.
Залила вешняя вода
Всего меня навек...

Говорит мать поэта, Нина Алексеевна:

— «Наша природа и наши люди по-своему уникальны. Красота, первозданность наших лесов, озер и рек,— это истинный клад... Это часть нашей души, не растерять бы ее...» (Вечер памяти).

Любимый герой Федора Достоевского, Алеша Карамазов, обращаясь к мальчишкам, к тем «русским мальчишкам», на которых великий писатель возлагал огромные надежды, высказывает важную мысль: «Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь». Таким «прекрасным воспоминанием» стал для поэта первый поход в лес. Он был «готов обнять и расцеловать все это, или встать и отвесить низкий поклон каждому дереву, каждому кусту, каждой травинке». (Рассказ «Пять дней счастья»). Как человек и как поэт Шадринов был многим обязан природе. Его пейзажная лирика (ст-я «Весь мир молчит, и занавес приподнят...», «У нас уже черемуха цвела...», «Рассветный край» и др.) — не набор сухих зарисовок, а действительно словесная живопись, которой свойственна удивительная пластичность, цветовая и образная гармония. Невозможно удержаться от цитирования:

Река хранит причудливость изгиба,
Там след змеи пурпурной на песке,
Там расцветает лилия, там рыба
Взвилась клинком, сверкающим в прыжке.

Светило дня, свою подъявля тяжесть,
Взойдя, проггло зеркальность глубины,

На дне синеют каменные кряжи,
Как горы заповеданной страны.

Мотив рассвета — один из наиболее распространенных в лирике Шадринова — поэтический дар Алексея только расцветал, то было утро его жизни... Поразительная живописность — отличительная черта не только пейзажных стихотворений поэта, — вот в каком «свете» мы видим знаменитую архангелогородскую пышнокрылую птицу, сделанную из маленьких узорчатых дощечек:

В моем углу опять горит свеча,
Плывет мой профиль величаво-странный.
И свет идет от каждого луча
Еловых перьев птицы деревянной...

«Природный» талант его заметен и в прозе. Для примера можно привести отрывок из миниатюры «Охотник»: «Приходит время, и первые осенние ночи у костра особенно остро пронзают все мое существо. Невозможно передать все, что испытываешь тогда, чутко вслушиваясь в обступившей со всех сторон мир. Сначала опускается синий сумрак, и растворяются в нем силуэты берез на краю поляны, сама поляна, как шлейфом, покрывается туманом, и лес, только что вплотную приближенный, медленно отдалается от костра. Потом сумрак переходит во всепоглощающую тьму, и исчезают последние краски, и только костер своим мерцанием приковывает утомленные глаза...»

Лирика Шадринова — медитативно-изобразительная по преимуществу, он знал, что мысль присутствует в самой природе, в символичности ее примет и стихий, автору нужно только продолжить, развить ее:

Ветра шумят по всей земле.
Листва колышется повсюду,—
Я чуткий, в предрассветной мгле,
Знакомый голос раздобуду.

И он мне в сердце пропоет,
Как все смешны земные сроки,
О том, что человек живет,
Разлук не ведая далеких.

Все, что пригрезилось ему
Горою, легшею на плечи,—

Я сам не знаю, почему,—
Грядет и выше, и далече...

Еще один устойчивый мотив в его стихотворениях — предчувствие судьбы, условно говоря, «воспоминание о будущем»:

Не знаю, был ли этот сад?
И был ли этот дом?
Но много-много лет назад
Я жил в краю родном.

Не знаю, был ли этот сад?
И был ли соловей?
И мой ли дух, и мой ли взгляд
Терялся средь ветвей?

Но он скользил по всем холмам,
По граням милых стен,
Бежал по пенистым волнам,
Не зная, что блажен...

Не ведал он, творя Парнас
И торопя года,
Что каждый миг и каждый час
Бесценен был тогда.

Пусть мать лишь знает об одном:
Что след мой не истерт;
Но тополь за моим окном
Наполовину мертв...

О чем бы ни писал Шадрин — на всем видна печать огромного таланта. В его стихотворениях чувствуется не только «лермонтовская мощь», но и чистота, искренность, более того — пронизательность, склонность к пророческим видениям и одновременно потрясающее бесстрашие — Алексей смело смотрит в глаза Судьбе. Если Пушкин своим поэтическим зрением и слухом видел и слышал «горный ангелов полет», то Шадрин наблюдал в небе собственную душу:

Рыдают гуси, клином размежив
Поля небес, изрытых облаками.
Моя душа над родиной летит,
Обняв ее бесплотными руками...

В народе говорят: кто рядом с Богом, тот в двух шагах от дьявола. Шадринов ходил по краю пропасти... И не только он — вся Россия:

Причины ветром пронесли по глади
Людских трущоб, забывшихся во сне,
И вот уже Россию лихорадит,
Россия вновь в антоновом огне.

Глубину собственной душевной раздвоенности поэт подтвердил неожиданным сравнением: «Взгляну в себя, как вечер смотрит в полдень...»

Романтические мотивы его лирики: душевная двойственность («Без черного нет белого...»), сознание своего бессилия, одиночество, автобиографический характер лирического героя и соответственно, исповедальность — не случайны не только в контексте его поэзии, но и в контексте нашего времени. Белинский говорил, что «...чувство есть бессознательный разум, а разум есть бессознательное чувство, и то и другое отнюдь не враждебные друг другу элементы, но должны быть единым, целым, органическим, конкретным». «Конкретные и органические» мысли, если еще раз вспомнить Белинского, «двигаются переживанием». А переживания были действительно серьезными: «...Я не знаю средства отвратить возникновение этого бессилия, поскольку сам теперь весь поглощен старанием низвергнуть монстров беспросветных отчаяний моих, появлению которых, впрочем, в полной мере сил сам и способствовал».

Из воспоминаний И. А. Богомоловой:

— «Когда все экзамены были сданы, пришло время выбора. Планов было много. Мы с Ниной Алексеевной, матерью Леши, советовали учиться на филфаке областного пединститута, а он стал работать ночным сторожем. Несмотря на кажущийся мягким и покладистым характер, Леше невозможно было навязать свое мнение. Лишь теперь я поняла, что единственное, чем хотел он заниматься — это творчество, для которого нужна полная свобода».

Но творческая свобода могла обернуться сладким ядом. Поэтому он был беспощаден к себе: «Зачем я это пишу?.. Неужели все так просто и неизбежно? Неужели я, прекрасно себя понимая, не найду сил себе противостоять, и вынужден наносить на бумагу утешения в надежде, что очистится память, и разум сочтет написанное ответом и соскользнет с разомкнувшегося круга неразрешимых

сомнений, отсылая их к совести, а уже та удовлетворится не исповедью даже, а сомнительным оправданием? Так ли это?..» («Утешение»). Перед уходом в армию Шадринов решил сжечь свои стихи и бросил рукописи в печь, но по счастливой случайности их удалось спасти...

Что же с ним происходило?.. Многие проясняет авторский комментарий в рассказе «Холодные берлоги»: «Художник, действительно, в полном смысле этого слова, он давно томился и более, чем любви, боялся своего призвания. Он боялся его любить. Боялся ради жизни». Что ж, предельное духовное напряжение — одна из традиций русской поэзии. Но главная тайна ее — мистический переход стихотворного текста в лирический (знаменитый ахматовский «сор»). У Шадринова видна двойственная природа подобного явления: с одной стороны, это «муть», безблагодатная материя, с другой — чудотворение, уже не авторская воля, а Воля Творца:

С больших глубин поднялась эта муть,
И благо, что от сердца не дано Вам
Сорвать покров, войти и заглянуть
В горнила, порождающие Слово.

Но долженствует и грядет Ответ!
Пройдут года, и в том, что Волей Божьей
Из тьмы страниц моих польется Свет —
Виновны Вы, приведшая к подножью.

(«И. А. Богомоловой»)

Алексей Шадринов был верующим, православным. За год до того, как его призвали в армию, он крестился. Незадолго до Святого Крещения он написал стихотворение «Утро с Пасхи»:

В дыме почек зеленом, в тяжелом весеннем дурмане
Укрывается ива, и жизнью овсян покров,
И едва различимы средь сумерек мягких, в тумане,
Проявляются крыши тяжелых, дородных домов.

Я восстал из уснувших, едва заплескало рассветом
А над церковью Пасха, над кровельным цинком плыла.
Восславляем Христа! И кресты возглашают об этом
Сизым галочным роем. Туманы несут кадила...

Осветляются веси, кармином восток занавешен,
Замерцали луга светом инистых бледных бород.
И вторгается в грудь неумемная весть, что Воскресший,
Вездесущ и незрим, с колокольным каноном грядет.

Здесь нет и намека на экзальтацию или, наоборот, надрыва — примет современной «духовной» поэзии. У Шадринова слиты воедино природа, быт и Божий горний мир.

«Гражданская» тема также раскрывается не с помощью голой публицистики, а образными, изобразительно-выразительными средствами:

Я много видел в этот грешный день:
Как в поле с неба опустилась тень
Проталин.
Но тень еще скользила парой крыл,
И ворон был, и крик вороний был
Печален.
А ворон жил
Среди развалин.

Драматическая смена ритма, оригинальная строфическая схема, образно-символический ряд (развалины храма, ворон — символ смерти, тень — оборотная сторона души), «цепочный» композиционный принцип, характерный для русского фольклора — и картина русской трагедии готова, сначала ее увидел и прочувствовал автор, а за ним — и читатель.

«Возвышенная» лексика у поэта: вече, обитель, бранный след и т. д. — не одиночные слова-вкрапления для украшения речи, не поэтизмы, а живой язык русской лирики, который мы сейчас мучительно вспоминаем... Все это — приметы той «гармонической точности», о которой говорил еще Пушкин...

Есть в его поэзии и библейская лексика: Божья Воля, Пресветлый Дух, кадила; соответствующие сравнения: «Плывет туман, как дым из пренсподней...»

Эпитеты у Шадринова в большинстве своем — с трагической окраской: неясный ужас, унылый корабль, безвременная ночь, сгорбленные ели и т. п. В последнем стихотворении поэта они определяют и тон, и даже смысл: «Мне разлука с тобой, как ночь бессонная, Ночь глухая, беззвездная, нескончаемая».

Алексей Шадринов обладал настоящей творческой смелостью. Он мог легко соединить в двух строках лермонтовский мотив и мифологическое

сравнение (душа-птица): «Меж землею и небом Словно птица, метался». Можно встретить в его лирике и антропоморфизм:

В парке сгорбленные ели
Углубились в шапку снега.
Не страшны теперь метели,
Что поют им век от века.

Его лирический талант почти полностью соответствовал идеалу «вольного художника» — если исходить из слов Гегеля о том, что «Только одушевление и жизнь духа представляет собой свободную бесконечность...» У Шадринова можно увидеть не только лирический, но и лиро-эпический дар — в небольших этюдах к будущим поэмам:

В нашем городе спокойном
Жизнь струится, как река,
Были очень богомольны
Люди в прошлые века.

Городок наш — что деревня:
Вдоль верста да вдаль верста.
Встали выше, чем деревья,
В небо двадцать два креста.

Это стихотворение написано четырнадцатилетним Алексеем Шадринным... Конечно, ему мешала нехватка теоретических знаний. Так, его «Ореховый сонет» не является таковым, не соответствует жанровой форме. Есть среди его стихов и просто слабые, неровные, можно найти подражания Байрону, Есенину... Но нужно учитывать, в каком возрасте все это было написано: с 12-ти до 18-ти лет! Если таким было начало... Поэзия, как и жизнь — вещь жестокая. Если бы Шадринов не погиб и сам опубликовал свою книгу — его можно было бы упрекнуть за некоторую искусственную драматизацию лирики, но поэзия — это еще и судьба, и сейчас любая его строка звучит по-иному, ее коснулись иные уста, и теперь уже только вечность определит настоящую цену его слова.

Стихотворение-диптих «Отшельник» — пожалуй, одно из лучших. В нем Алексей Шадринов достиг классической гармонии формы и содержания. Но анализировать или даже просто комментировать его сейчас нельзя. Во-первых, как всякое оригинальное и цельное художественное явление оно еще должно пройти выдержку (вспомните знаменитое: «Моим стихам, как драгоценным

винам, настанет свой черед...»), а во-вторых, жанровые (и не только жанровые) рамки этой статьи сделать подобное не позволяют. Поэтому лучше привести его полностью, пусть читатели соприкоснутся с подлинной лирикой.

1

Живу вдали от всех, в живых истоках
Бегущих, чистых и туманных рек,
И в тишине Всевидящее Око
Высокой целью озаряет век...
Я претерпел себя. Здесь одиноко,
Но одинок с рожденья человек!

Встаю с рассветом. Свет по синим окнам
Бежит волной. Я выйду на порог.
Туманов млечных вьется горний локон,
И дивный свет пронзает темный лог.
Он порожден в источниках востока.
Так с первых дней благословен восток!

2

Моя тропа уходит к перевалам.
День не окреп, но я уже по ней
Бреду. И лес зеленым покрывалом
Скрывает суть моих безмолвных дней.

Мне некому подвигнуть оправданье,
И вздох мой тайный канет у теснин.
Прими мое блаженство и страданье,
Мой Отчий Бог, Пресветлый Дух и Сын!

В лице Алексея Шадринова наша национальная поэзия могла свободно возвратиться к классическим истокам, однако ему было суждено войти в ее мартиролог: Н. Анциферов, С. Дрофенко, Н. Рубцов, А. Прасолов, П. Мелехин, С. Чухин, А. Передреев, А. Шадринов, А. Исполнов, И. Лысцов, Б. Примеров... Но Шадринов — уже из другого поколения «почвенников», поколения XXI века, не отягощенного отрицательным опытом столетия минувшего. Поэты «классического» «почвенного» направления 1960—1980-х годов

не могут перешагнуть нынешнюю пропасть. Обожествлявшие в прошлом русскую землю и народ, они с трудом постигают то, что для нынешних — естественно как дыхание: бытие Бога.

Алексей Шадринов начинал свою человеческую и поэтическую жизнь в прямом и в переносном смысле — с чистого листа, но был выброшен, словно пушистый птенец-подросток из гнезда родного, российского, мгновением раньше еще теплого и мягкого, а теперь разоренного и осиротевшего — выброшен и подстрелен в первом своем полете.

Это было со мной, это вновь повторится
Не со мной, так с другим: на зеленом ковре
Обессиленно мечется пестрая птица,
Легкий пух поднимая, как снег в ноябре...

Вспоминает друг поэта, Алексей Овсянников:

— «С первых его писем стало ясно, что Леша попал не в лучшую часть, так как в ней было много лиц южной национальности, с которыми трудно было найти общий язык... Только в армии он понял, что такое свобода, чувствовал себя, как птица в клетке...» ...Офицеры давно самоустранились от командования рядовым составом, и армия превратилась в тюрьму с невидимыми миру пыточными... Побои, гнилая матерщина, и вновь побои... От них, от постоянного невыносимого унижения и невозможности что-либо изменить теряют солдаты человеческий облик и самое главное — самоуважение. Каждое утро они просыпаются (если им дали поспать) с чувством ужаса: их ожидают все новые и новые издевательства и оскорбления...

Из армейских писем рядового Шадринова:

— «Сержант Ирисбаев замучил нарядами. Даже письма некогда писать. Угрожает, что «так вечно будет».

— «Мучительная вещь — безответность! Старослужащий берет у тебя, что хочешь, а ты не смеешь даже спорить».

— «Я бы здесь ничего не побоялся, ни работы черной,— ничего. Если бы только жили друг с другом по-людски».

— «Замполит уходит в отпуск, а он еще как-то давал передохнуть от «неустанщины».

— «Одно мне остается — умолять вас о помощи».

— «Не будьте легкомысленны! Не оставляйте меня здесь! Я, конечно, существую, но кем я уже становлюсь! Боже мой! Мама! Мама! Мама! Папа! Папа! Папа! Помогите, ради Бога! Скорее же!..» Но было поздно...

«Когда Алеши уже не стало и его отец послал сыновние письма военному следователю,— рассказывает Ю. Леднев,— тот долгое время ничего не отве-

чал, а когда родители потребовали вернуть переписку, из-под Красноярска пришел пакет, в котором не доставало двух самых страшных писем рядового Шадринова. К остальным была приложена звучащая издевательски приписка с благодарностью за помощь следствию...»

Алексей Шадринов останется для нас навеки девятнадцатилетним автором нескольких прекрасных стихотворений: чистых, пронзительных, не по возрасту мудрых. Настоящая потеря для русской поэзии... Но только для поэзии — он сам чувствовал относительность и своего призвания, и своего пребывания в этом мире:

Это будет со мной, молодым или старым.
Будет осень... Мотая словесную нить,
Будет плакать перо, и придут санитары
В голубую обитель меня проводить.

За мою спиной свет останется душен,
Тускл и сер, и в ответ торопливым шагам
Я им буду твердить: «Преклонитесь. Я — Пушкин».
Но лишь только ковыль приклонится к ногам...

Успокоит обитель и душу, и тело,
И, меня повстречав, улыбнется сосед,
В простыне, словно в греческой мантии белой,
И застенчиво скажет, что он Архимед.

Это будет со мной, по тенистой аллее
Мы пойдем рука об руку, и разговор
О высоких материях не тяжелее
Будет нам оттого, что мы здесь с этих пор...

* * *

Статья об Алексее Шадринове готовилась к печати, проходила корректуру — все шло обычным чередом, как вдруг мне из Белозерска передали с оказией папку с никому не известными стихами и поэмами Шадринова и устную просьбу матери поэта, Нины Алексеевны, опубликовать их вместе со статьей... Не прочитав и половины архива, я испытал потрясение. Первые мои сумбурные

мысли: «Не может быть! Так не бывает!..» Такие стихи не могли сложиться в душе и разуме школьника, мальчишки, жившего вдали от столиц, вдали от центров мировой культуры, в городе, где самое «солидное» учебное заведение — педагогическое училище!..

Перечитав стихотворения еще и еще раз, я не избавился от первого впечатления: эти создания — не сегодняшнего времени и пространства, они пришли к нам сразу из блестящего «золотого» и туманного «серебряного» веков русской поэзии, — как будто не было в ее истории трагического обрыва.

Неизвестные читающей России стихи Шадринова по своей оригинальности и философичности оказались на порядок выше опубликованных в 1994 году. В них есть качественное отличие: проникновение в запредельные высоты человеческого духа («Все ж нет предела человеческой души...»), афористичность и одновременно загадочность мысли («Я на земле и на небесах»), дерзкие и чуть ли не колдовские образные сопряжения, отмеченные «детской» гениальностью:

Надо только бросить в воду камень,
Чтоб увидеть синий танец звезд.

Контрасты в его поэзии — нечеловеческого диапазона: «синяя птица» детства, — и смятение, ужас бытия, полуфантастические, апокалипсические картины: «Все небо ножами распорото...» Подростковая влюбленность, — и опыт мудреца, за плечами которого — целая жизнь:

Не дорожи ничем земным,
Безудержным и мимолетным.

Поразительно объемная и богатая смысловыми оттенками лексика, удивительные сравнения, рождающие множество ассоциаций, неожиданные рифмы, смелые ударения — все говорит о том, что Шадринов как языковед не боялся ничего и никого, он не «владел» языком, он был полностью в его власти.

Лирика Шадринова — еще одно подтверждение известного тезиса: поэт — это не профессия. Поэзии научить нельзя, она, как особое духовное зрение, может быть дарована только свыше... Откуда, например, видения Юга в странном стихотворении «Размышления странника», — у юноши, никуда до армии из родного северного городка не выезжавшего? Какой «незнаемой силой» была дана ему память, «родственная сну», вдохновение, соприкасающееся с вечностью, с «другой жизнью, невидимой здесь»?

В поэме «Оборотень» удивляет не столько парадоксальное сочетание монолога с внутренним диалогом, сколько связанность примет нынешней ката-

строфы с диктуемым кем-то сверху поэтическим потоком сознания, пытающегося найти ответы на вечные вопросы бытия. Но наиболее сильное впечатление производит драматическая поэма-загадка «Пилигримы», полная мистики и философских откровений, находящаяся вне времени и пространства, но запечатленная на фоне живописнейших земных пейзажей.

Замысел поэмы, вероятно, был навеян Рубцовым: «Идут по ней, как прежде, пилигримы, И машет им прощальная рука...» («Старая дорога»); вступление к ней: «Я жду, когда проснется сердца память...» — явная отсылка к другому земляку, Батюшкову. Но сам Шадрин — ни на кого не похож! Его дерзость: написать вслед за Пушкиным свою «Деревню!» — не от юношеского задора, а от общей сопричастности к великой тайне русской поэзии:

Не мни, читатель, среди бумажной пыли
Найти следы тебе знакомых дней.
Я верен весь туманящейся были,
Я к ней клонюсь и почиваю в ней.

«Звук и пространство,— эти понятия становятся для меня полны неизъяснимого поэтического наслаждения»,— писал Алексей. Такое же наслаждение ожидает всех тех, кто прочтет его стихи. Их ждет встреча с настоящим чудом — чудом поэзии Алексея Шадринова*.

В 1987 году, в четырнадцатилетнем возрасте, Шадрин предугадал свою судьбу, подобную мгновенной яркой вспышке перед самым концом:

Говорят, однажды ночью лунной
Вдалеке от всех людских забот,
Побеждая тьму ночей чугунных,
Папоротник зацветет.

Уже сейчас можно сказать, что такого стремительного и раннего взлета от детской непосредственности к вершинам, большинство из которых, увы, еще только предстояло покорить, в двадцатом столетии не было.

* Часть этих стихотворений опубликована в альманахе «Белозерье-2», сокращенный вариант в журнале «Москва», № 11 за 1998 г. Готовится к печати книга «Избранное» (стихотворения и поэмы).

УХОД

(Памяти Александра Исполюнова)

В конце 70-х — начале 80-х годов наша поэзия страдала от «избытка веса»: в книжных магазинах в поэтических отделах полки ломились под тяжестью рифмованной макулатуры, найти в этих завалах удачный сборник было делом почти невозможным. Единственное преимущество перед нашим временем — стихи стоили копейки, и не только в переносном смысле... В ту золотую студенческую «застойную» пору, когда безденежье не было неразрешимой проблемой, выискивание жемчужных зерен превращалось в азартную охоту. Среди бесконечных исторических и «производственных» поэм и безликих стихотворений о войне и о Родине мы искали живые слова о любви — и почему-то не находили... Исключением была, пожалуй, поэма Владимира Соколова «Сюжет». И к тому, и к сегодняшнему времени вполне приложима сентенция Г. П. Федотова: «Что-то случилось не только в поэзии, но и в жизни, что этот источник всякого лиризма вдруг иссяк. От любви осталась сексуальность, осталась социальная проблема, связанная с браком, остались дружба и товарищество, — вероятно, в России, — но все это не может питать поэзии. Страдания неразделенной любви ни в ком не вызывают сочувствия. Любовь опустилась на грань смешного».

Поэтому так екнуло сердце, когда в сотой (или двухсотой) книжке «новинок «Современника» просто и ясно вошли в сознание строки молодого автора, вошли прочно и уверенно, как будто они были там всегда:

Я хочу, чтоб всегда ты была мне верна, как награда,
Всюду рядом со мной, наполняя желанья и сны,
У озерной воды, и в шуршанье осеннего сада,
И под солнечным слитком, и мертвенным камнем луны.

Стихи сразу «завучали», их ритм легко воспринимался «на слух», особенно великолепными были точные цезуры, на этих музыкальных волнах можно было раскачиваться, как на качелях. Ритмическое разнообразие поражало воображение, иногда целые стихотворения были построены исключительно на этой основе:

Носятся, проносятся, спуют туда-сюда
Эти бесконечные ночные поезда:
Близко ли, далеко ли, навстречу или прочь
День-и-ночь и день-и-ночь и снова день-и-ночь.

Конечно, были в сборнике и «дежурные» исторические иллюстрации, и поэма о рабочем мартеновского цеха, но свежий поэтический голос и трогательный юношеский максимализм перекрывали собой все наносное, искусственное... Фамилия у молодого автора была Исполнов, а книжка называлась «Мед великанов» (1981). Рецензенты — Владимир Солоухин и Михаил Львов. В предисловии отмечалось, что «молодой поэт отстаивает высокие идеалы человека, чистоту помыслов и поступков, борется против всего мелкого, ничтожного — и в жизни, и в быту, и в желаниях...» Из этого стилистического сора проглядывала мысль о романтической природе его поэтического таланта. «Книга по-настоящему талантлива, и я горячо рекомендую ее читателям», — заключал Михаил Львов.

Отдельный раздел сборника под названием «Улицы в лунном свете» почти полностью был составлен из любовной лирики. В то, что это были действительно «страдания неразделенной любви», верилось безо всяких сомнений, и сопереживание было полным:

Впусти меня к себе на пять минут,
На десять слов —
И буду счастлив я.
Но почему ты отвечаешь «нет»?
Пойми, в тебе весь смысл, вся цель вселенной.

Искреннее чувство, его расцвет и драматические коллизии разрыва были стержнем лирического сюжета цикла:

Опять мой взгляд летит передо мной
К зрачкам, очерченным голубизной.
Не оборвется между нами нить —
Я все простил. Но не могу забыть.

Лирический герой не мог забыть самого страшного: предательства...

Светло и пусто в комнате холодной...
Нас отражает черное окно,
А мы молчим, в глаза друг другу глядя...
Мы опоздали. Все без слов понятно,
И незачем об этом говорить.
.....
Задумчивые тропы тротуаров
Меня домой устало приведет.

Войду.

И только там, при ярком свете,
Увижу я, что потемнело сердце.
Почувствую, что потемнели мысли,
Что ночь пришла.
Но ведь наступит утро...

Все говорило о том, что перед нами — многообещающий поэт, но ожидание следующей книги («Готовься жить», 1988) несколько затянулось, не баловали его своим вниманием и критики, занятые совсем иными, более актуальными, нежели анализ любовной лирики, проблемами. Второй поэтический сборник Испольнова отличался удачно продуманной композицией, но новых стихотворений в нем было совсем мало — автор, как и большинство людей его поколения, «готовился жить», не подозревая, что придется, увы, «выживать»... Многие, очень многие зарыли свой талант в землю, рассчитывая совсем на другие всходы. Кто-то ушел в политику, кто-то — в журналистику, одни надеялись на собственные силы, другие — на чудо... Но чуда не произошло, и тогда поэты стали уходить из жизни в прямом смысле, физически — либо сами, либо с чьей-то помощью... В числе тех, кто насильственно был лишен этого Божьего дара, оказался и Александр Испольнов. Свой конец он предсказал в стихотворении «Уход» с потрясающей точностью понимания сути происходящего, угадав даже детали:

Нет будущего — только тени,
И настоящее — как дым,
И, как барьеры, душат стены
Тех, кто богат одним былым.

Уйти — без жеста и без слова,
Уйти — и бросить свой мирок!
Нас охранявшая подкова
Со стуком рухнет на порог...

Уйти туда, где воля с нами,
Где мерного покоя нет,
Уйти туда, где риск и пламя,
А не квартирный тихий свет!

Уйти — и во внезапном гуле
Вдруг ничего не обрести,
Всем телом впитывая пули
На оборвавшемся пути.

В последние годы своей жизни Исполнов печатал стихи в «Литературной России», он не мог примириться с теми, кто на любви «поставил крест». Но и с ним примириться не захотели...

В Библии сказано: «...Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить...». Александр Исполнов это хорошо знал, поэтому и остался в памяти человеком смелым, познавшим «всей жизни суть»:

И ожил мир,
И цель видна,
И сердцем понимаешь снова,
Что истина у нас одна —
В тиши мерцающее Слово.

II

ЗВЕЗДА НИНЫ ГРУЗДЕВОЙ

«Тропинка» — так называлась первая книжка Нины Груздевой, вышедшая в Архангельске в 1968 году. Тропинка эта сменилась вскоре пустынной дорогой длиною в целых 27 лет... Поэтессу не замечали. Говорили, что сейчас «не время» для любовной лирики. Только в наши дни состоялось ее поэтическое «Воскресение» — в 1995 году в Вологде вышел сборник с этим «говорящим» названием. В том же году Н. Груздева опубликовала поэтическую книгу «Твое имя» и, как оказалось, название ее тоже было подобрано не случайно.

Поэзия Н. Груздевой строится по традиционной для любовной лирики схеме «я — ты»: «Я скажу тебе: «Счастливо!..». «Я не хочу тебя тревожить...». «Ты не хмурься. Я скоро уеду...». Иногда эта горизонталь становится вертикалью: «Я с тобой — На небе. Без тебя — в пропасти!», однако преобладающей все-таки остается любовь-мечта: «Сидим вдвоем», «вместе мы сидим у огня», «в сокровенные тайны души Мы друг друга давай посвятим». Схема

«я — ты» в этом случае меняется: «я — ты — мы». Душа лирической героини не способна жить в одиночестве, она постоянно ведет диалог с близкой себе душой. Вероятно, поэтому в книгах Груздевой так много посвящений: С. Чухину, Н. Рубцову («Мы были бездомными, Коля...»), А. Цыганову, В. Плотникову, С. Алексееву. Из трех человеческих начал: телесного, душевного и духовного — в ее поэзии доминирует второе. Эта повышенная эмоциональность порой мешает; как говорится в таких случаях, поэтесса «переигрывает»: «А я к тебе — распрятием Руки стираю...», «И упал на траву. Зарыдав, словно нищий...»

Изобразительная сторона ее поэзии — не самая сильная, в частности, пейзажи. Ее подлинное призвание — вести лирический диалог («Мне с тобой целый век говорить надо бы...») и уходить во внутреннюю глубину собственной мысли. Не предметностью, не вещностью, а переживанием и размышлением дышит ее лирика, медитативная по своей сути. Но все это — одновременно и ее достоинство, и недостаток: в лирике Груздевой наблюдается некоторая идейная и формальная однообразность, субъективизм, камерность. Еще один недостаток: малочисленность ее поэзии. «Надо писать не только хорошо, но и много», — говорил А. П. Чехов... Нет и подлинной поэтической мощи: включенности в знаковую систему русской и мировой литературы и культуры. Этим определяются масштаб таланта, способность поэта покорять пространство и время, вести диалог не с человеком, а с Творцом.

Впрочем, в любовной лирике Нины Груздевой есть то, что «выше Всех наших встреч и нас с тобой...» Есть небо, надмирность — при всей земной природе человеческого чувства:

«Синевой дышу, как вечностью,
И, как в вечности, живу...»

«В преддверие любви
Войду, как в двери рая...»

Павел Флоренский писал: «Любовь приоткрывает... двери горних миров, и тогда веет оттуда прохладой рая». Ключ от этих «дверей рая» спрятан в человеческом сердце:

«И во рту застывает речь,
Только в сердце звенит струна...»

В поэзии Н. Груздевой, при всей ее возвышенности, есть парадокс: лирическая героиня упивается своим чувством, а сам предмет обожания дан пунк-

тирно — ни внешности, ни характера, полное отсутствие хоть какого-нибудь движения. «Герой ее романа», оказывается, не так уж и нужен: «Может, я не тебя люблю, А мечту мою...» Высота ее любви — недостижима...

Хочется сказать отдельно о композиционных особенностях двух сборников стихотворений Н. Груздевой. Сборник «Твое имя» (1995 г.) продуман основательно, открывается он стихотворением, возвращающим героиню в прошлое: «И мысленно в даль дорогую Пишу золотое письмо...», а заканчивается поэтическим завещанием: «Однажды я стану остывшей планетой...» Сборник же «Звезда» (1998 г.) подобной цельностью не отличается, лирический сюжет в нем отсутствует.

Надо отметить интересные находки Н. Груздевой, например, редко встречающийся в «женской» поэзии энергичный жест, верно схваченный интонацией с многозначительными паузами:

«Все кончено. Ни звука, ни строки...
Теперь пора задуматься настала».

Примечательны и символические картины:

«А родной небосвод
Облаками весь выслан».

К сожалению, встречаются в сборниках Н. Груздевой «проходные» стихи («Хотела сердце я стреножить...», «Глаза любимые», «Обещания, как снег...»), порой видна стилистическая недоработка. Так, стихотворение, которое начинается лермонтовской строкой: «Я не унижусь пред тобою...», настраивает читателя на классический лад, и вдруг эту гармонию взрывает режущий слух повтор: «Приди, покуда я страдаю, Покуда я прийти прошу...»

Но все это — только досадные детали. Главное, в ее поэзии есть «звук» — Александр Блок определял уровень таланта по авторскому голосу, по «звуку» стиха. Некоторые поэтические миниатюры Н. Груздевой изумительны по силе и красоте этого звука: «Свет», «Все кончено. Ни звука, ни строки...», «Любовь», «Твое имя», «Мы и влюбляемся, и плачем...», «Я хотела тебя забыть...», «Звезда»:

Ночь была очень звездной, когда
Меня мама на печке рожала.
За трубу зацепилась звезда
И на крыше моей ночевала.
Тут отец поспешил на прием,

Он пупок завязал так умело!
А звезда своим синим огнем
Обожгла мою душу и тело.
И с тех пор так любя мне земля
И небесные манят чертоги,
Но с тех пор постоянно болят
Эти звездные злые ожоги.

У Нины Груздевой есть своя поэтическая судьба, есть своя тема. Все эти годы она хранила ей верность. И теперь на огромной карте звездного неба русской поэзии можно найти и ее имя.

ЕЕ ТОСКАНА

«У каждого человека есть своя Тоскана — свое романтическое «там», — пишет в предисловии к своей книге «У меня своя Тоскана» Инга Чурбанова. — Это может быть далекая невиданная земля, или ушедшая юность, или потерянная любовь, или еще что-нибудь столь же милое и недостижимое. Оно живет по своим законам, по-своему называется и имеет свой аромат. Мое «там» я называю Тосканой, именем одной из областей Италии, которая, как и всякая итальянская область, делится на провинции... Одна из таких провинций была открыта мной во время фольклорной экспедиции в верховья реки Пинегги...»

В обрамлении первой и третьей глав книги, в ее центре, помещена глава вторая — поэма «Где мы были, куда лётали». Это поэма-воспоминание о путешествии к родовым корням, в затерянную среди лесов архангельскую глушь. Душой поэтесса рвется в сказочные края: в итальянскую Тоскану или в «желтую Австралию, в зеленую Австралию», а сердцем — в «свои леса».

Эпический сюжет, — поездка на свадьбу к родственникам, сама свадьба и возвращение, — дополнен различными вкраплениями: народными песнями, монологами персонажей и авторскими лирическими отступлениями. Это многоголосие и, соответственно, смена ритма не рвет художественную ткань поэмы, а образует главный ее сюжет — лирический. Песенный зачин духовного стиха: « — Голуби вы, голуби! Голуби вы белые!..», как камертон, настраивает его мелодию на определенное внутреннее звучание. Этот настрой сохраняется и в дорожной созерцательности: «Чем дальше в восток, тем больше крестов

У самых дворов, у самых дорог», и в неоднократном обращении к полю: «Поле, кто тебя усеял Острокрайими камнями?», характерному для народной лирической песни. Его одушевление также восходит к фольклору:

Поле немо, поле грустно,
Поле помнит и не помнит,
Как свозили белорусов
В эти северные поймы,
Как бросали в беломорье,
В белосеверные чаши
За провинность перед прошлым,
Будущим и настоящим...

Кладовые фольклора открыты для любого художника — известно, что творцом языка является народ. Главное — не потерять в словесных кружевах «мысль народную»... О чем поют старушки в далеком северном поселке? — О душе человеческой:

Душа муки испужалася,
За Господа Бога удержалася,
Перед Господом Богом ей
Ответ держать...

К Богу обращается и лирическая героиня поэмы:

— Господи, не свечу тебе ставлю!
Господи, крест на себе несу:
Этим крестом — и пою, и славлю
Имя твое в вековом лесу.
Это в миру тебе ставят — свечи.
Там и кресты — под рубахой носят.
Я этот крест понесу — далече,
Через леса осеней и весен.
Низом он в темную землю воткнут,
Звездное верхом пугает стадо...
Так и взойду на свою Голгофу
С этим крестом на плечах усталых.

Сугубо личное стало типическим: нас всех объединяет наша общая судьба, наш общий крест. Лирическая героиня не остается равнодушной ни к рассказу

старушки-попутчицы о своей тяжелой жизненной доле (глава «Старухи»), ни к печальному монологу матери невесты (глава «Мать»), ни к брошенному властями поселку («Живите, люди, чем Бог послал, Ни барж с товарами нет, ни денег им...»). Да и как можно быть равнодушным к русской провинции, где вопреки всему живет душа народная?.. Не случайно в послесловии к поэме смысловое кольцо песенных строк размыкает восклицание героини:

«...Голуби вы, голуби,
Голуби вы белые!
А где вы были, куда лётали?»
— А мы там были, на исходе души...
Ты летай, душа, в тот край,
там — дыши!..

Поэма Инги Чурбановой — алмаз, обработка которого еще не закончена. Требуется огранки текст «географического» вступления к поэме — читатель, обладающий музыкальным слухом, сразу почувствует сбой ритма и стиля. Надо убрать некоторые тусклые рифмы, отшлифовать удачные. Необходима и дополнительная композиционная работа. Но в целом уже сейчас можно говорить о том, что поэма состоялась.

Хочется отметить полиграфическое качество книги — издательства «Свеча» и «Евстолий» не пожалели времени и сил, чтобы довести ее «до ума». «Лубочные» рисунки художницы Надежды Черкасовой украшают сборник и точно соответствуют авторской стилистике. Оригинально и оформление обложки: фотопортрет поэтессы в рамке из средневекового «итальянского» окна и одновременно — русского кокошника.

В конце издания Инга Чурбанова поставила стихотворение, давшее название всей книге: «У меня своя Тоскана...»

...Там, где бубен одинокий
Бродит, ищет как тальянка,
И сбиваются с дороги
Северянин с северянкой,
И бредут за тихим звоном,
Уходя в страну другую,
Где опять — в краю холодном —
По Италии тоскуют.

Вот, наконец, и превратилась итальянская Тоскана в такое русское слово «тоска»...

В ПОСТОЯННОМ ПОИСКЕ

Сборник «Перелет» Татьяны Омановой (псевдоним Татьяна Бычковой) — это, собственно, не сборник, а кассета из семи миниатюрных поэтических книжек (в каждой — по 14 стихотворений). Эти «эпизоды» (авторское определение) имеют свои названия: «Греческий хлеб», «Социум», «Глухая защита», «Полет шмеля», «Детский парк», «Судьба струны» и «Предпоследнее». Главное, на что сразу обращаешь внимание — это развитое чувство композиции и склонность к циклизации. Музыкальный слух (в поэтическом смысле), ритм и интонация в стихотворениях Омановой почти безупречны. В своем стремлении «пропеть» текст на одном дыхании (тем более, что звукописные навыки есть) поэтесса порой теряет чувство меры и перебирает в ассонансах и аллитерациях («И жало жалости безжалостно разит...») Впрочем, это не означает, что ее стихотворная речь — песенного типа, скорее, она тяготеет к разговорности, об этом свидетельствуют и многочисленные переносы, обусловленные синтаксическими паузами:

И трубка телефонная нагрелась
В моей ладони влажной. И сквозь шорох
Я вас не слышу. Робость, неумелость —
Вот мой удел печальный на земле.

Вообще, паузы, многоточия, многозначительность (иногда ложная) — характернейшие приметы ее стиля. Т. Оманова стремится к лиричности, но понимает ее слишком упрощенно. Уже приходилось писать о существенных недостатках в ее поэзии, в частности, о несуразности некоторых словосочетаний, о фактических ошибках и т. п., но сейчас, когда относительно недавно выпущено почти «полное собрание» стихотворений, надо обратить внимание поэтессы на самый главный недостаток: отсутствие цельности как в поэтической мысли, так и в образной системе. Т. Оманова находится в постоянном поиске, в ее неровных по содержанию сборниках удачные стихи чередуются с менее удачными, но она не отчаивается и продолжает двигаться к желанной цели. Один из «эпизодов» назван предельно ясно: «Социум», но социальность ей противопоказана, ничего нового в эту тему она внести не в состоянии. Иногда Оманова пытается философствовать (известно, что женская философия, как и логика, к настоящей философии имеет весьма отдаленное отношение), иногда — ораторствовать (но ее жалобы и стенания не трогают струн чужого сердца), иногда — говорить от лица своего поколения (игра «в местоимения», однако, ничего не меняет: «мы» и «нам» повисают в воздухе, как и

риторические вопросы лирической героини). Стремление «украсить» речь, погоня за метафоричностью «сбивают» лирическое дыхание, лишают ее поэзию необходимой цельности. Много в стихах и немотивированных неточных рифм, слишком увлекается Т. Оманова и рифмами парными, хотя имеет все возможности разнообразить строфику. В книжке «Судьба струны» поэтесса идет на отчаянный эксперимент, дословно публикуя свои песни, песенки и романсы... Все они очень музыкальны, но и очень наивны — тут Оманова впадает в самый что ни на есть шикарный примитивизм (чуть ли не на целый сборник!). Некоторые стихотворения поэтессы безжизненны и инфантильны, в них мелькают пажы и принцессы, поют скрипки и сверкает французский хрусталь... Банальны и отдельные выводы («Отрицание жизни абсурдно...»). Не до конца избавилась Т. Оманова от чужого влияния, — так, ее «Святочный романс» представляет собой реминисценцию из А. Блока, да это и не романс вовсе — поэтесса смутно представляет себе его жанровые признаки.

Т. Оманова, вероятно, еще не осознала, что ее талант — не лирический, а лиро-эпический. Отсутствие лирического сюжета приводит к тому, что стихотворения, не скрепленные логически выстроенной образной цепочкой, «рассыпаются». Отдельные удачи объясняются как раз тем, что в них есть сюжет, цементирующий аморфное лирическое начало. В стихотворении «Гуляя по зимнему саду...» скупое, но точно обрисованы характеры, монолог лирической героини постепенно переходит в диалог, и самое главное: заметно невидимое душевное движение. Омановский «Стих о любви» целиком построен на антропоморфизме, но и он не статичен, а удачно «обыгран» поэтессой. О лиро-эпических способностях Т. Омановой говорит и следующий факт: сквозь ее лиризм зачастую пробиваются ирония и сарказм, чаще всего выраженные в неожиданных деталях и эпитетах: «Там зеленые заборы Глухо кашляют во сне, И задумчивые вору Тихо лезут по стене». Из-за того, что поэтесса слишком замкнута в себе, ей не хватает воздуха, простора, а ведь она способна говорить и высоким «штилем», и разговорным слогом, вести диалог, передавая чужую речь. Ее поэзия, отличающаяся «размашистостью» композиции и потенциальной сюжетностью, так и просится в «широкую раму», тем более, что лучшие ее рапсодии (т. е. «сшитые песни») сотканы из зримого образного ряда:

Глиняный полдень. В кувшинах — густое вино.
Завтрак из белого хлеба и белого сыра.
Нечто подобное было когда-то давно —
Там, на заре сотворения мира.

Греция... Грузия... Синь вдохновенных небес.
Солнце. Полуденный отдых. Эллада... Колхида...
Медленных волн набегающих шорох и плеск...
Черная книга — «Трагедии» Еврипида.

Для того, чтобы полностью реализовать композиционные способности, Т. Омановой просто необходимо заняться переводами, учиться у классиков, пробовать новые жанровые формы, например, писать небольшие поэмы и сонеты. Венок сонетов — и сейчас вполне живая и богатейшая в своих возможностях форма (В. Солоухин доказал это в 70-х годах). Одним словом, у Т. Омановой — большой потенциал, не раскрытый до конца. Сумеет ли она его использовать — зависит от времени и желания.

КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

Нине В.

Стихотворений слишком много, и они многословны. Что перед нами — лирическая или эпическая поэзия? Если это лирика — каждое слово должно быть на своем месте, если нет — должен быть сюжет, и сюжет занимательный, запоминающийся. Такие стихи есть, но их немного...

Главное — что за стихами? Что скрывается за внешней оболочкой слов? Что проникает в самое сердце и заставляет любить, плакать, смеяться или останавливаться в раздумье? Задавали ли Вы эти вопросы?

Часто обращаться к Богу можно и нужно в молитвах, а в мирской суете — крайне редко и крайне осторожно. Иначе — нарушится одна из десяти заповедей («Не приеми имене Господа Бога твоего всуе»). Если это обращение выстрадано — дерзай, но подбери свои, и притом верные слова (слова веры, а не деревянные обороты речи). Все мы грешны в этом, правда... Но зачем спешить? Зачем говорить так много слов?

Новаторство в поэзии необходимо, как и в любом другом деле. Что будет, если женщины начнут одевать в одинаковое платье? — Тюрьма или казарма.

Но свежая, новая мысль так просто не придет в голову, ее надо подтвердить поступком, а то и всей жизнью.

Иоанне Н.

Что движет Вами? Желание славы? — Это простиительно, это детская болезнь, она пройдет, дай Бог, без осложнений...

Страх зарыть свой талант в землю? — У Вас много времени впереди, можете еще несколько лет что-нибудь зарывать и выкапывать. И ничего не бойтесь!..

Самолюбие? Гордость? — Что ж, кто не без греха... Но берегитесь — в больших дозах этот яд смертелен!

Ваши вера и любовь, сострадание, отвращение к мерзости, злу, максимализм, характерный для этого возраста — симпатичны. Да что говорить! Судя по всему, Вы — верующий человек, значит знаете, что в нашей жизни главное...

Но изящная словесность — не Ваш путь. И «технические» подробности здесь не важны — любой рецензент даст Вам отрицательный отзыв. Перспективы не то что туманны, они не проглядываются вовсе. Впрочем, при великом усердии можно кое-чего достичь. Но на средний результат Вы, скорее всего, не согласитесь... А взлететь вверх можно, только сбросив все лишнее и превратив в профессию не только творчество, но и саму жизнь...

Вы верно сказали: для души, для самовоспитания, для памяти, для кого-либо...

Литература безжалостна ко всем, а особенно к слабому полу. Поэзия — непосильное бремя даже для крепких мужчин, а что уж говорить о нежных юных душах... Исключения — не в счет, да и у них порой все заканчивалось плачевно.

Вам надо учиться, получить профессию и не бросаться в крайности. Но даже профессия — не главное для женщины...

Ее кроткое и любящее сердце — вот бесценное сокровище.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что такое поэзия? Искра Божья? Вдохновение? Любовь? И можно ли стать поэтом? И в каком возрасте? Все эти вопросы из разряда вечных и неизменных. И отвечать на них, между прочим, необязательно. Да и как ответить, если:

«Сие присутствие Создателя в создание —
Какой для них язык? Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится
И лишь молчание понятно говорит».

Эти строки написал в августе 1819 года Василий Андреевич Жуковский. В те же дни другой русский поэт, Константин Николаевич Батюшков, обронил вроде бы мимоходом:

«Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них — не знаю».

«Невыразимое подвластно ль выраженью?...» — горовал вместе с Батюшковым Жуковский...

С тех пор они ведут незримый диалог,
Где вечность и судьба — почти одно и то же,
Где души так близки и голоса так схожи,
Где царствует любовь и где сияет Бог.

Поэзия — не наука, она не признает границ человеческой мысли, и не искусство — слишком узок круг знающих ремесло стихотворцев, и уж конечно, не рифмованные строчки — «Мертвые души», как известно, поэма. Поэзию нельзя пересказать, потому что «жизнь и поэзия — одно» (В. А. Жуковский).

Поэзия — это правда. Высшая правда жизни. «Правда выше Пушкина, выше России», — говорил Федор Михайлович Достоевский. И отношение к ней должно соответствовать ее значению, но:

«По жизни так спешит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!» —

отметил мудрый Петр Андреевич Вяземский опять же в 1819 году (!).

И как же потом бывает стыдно... Александра Сергеевича Пушкина всю жизнь терзала совесть за грех горячности и молодости — «Гавриладиу». Николай Алексеевич Некрасов свой первый сборник стихотворений — «Мечты и звуки» — тщетно пытался уничтожить, лихорадочно выкупая тираж у книго-торговцев. Сергею Александровичу Есенину пришлось «подправить» себе возраст в автобиографии, чтобы скрыть подростковый поэтический провал в Петербурге...

Поэзия — сестра гармонии. И поэтому сочинитель должен сам убирать из текста фальшивые ноты.

И, наконец, поэзия — это душа. А душу мы веряем Богу...

СОДЕРЖАНИЕ

I

Последняя Русь (поэма Н. Клюева «Песнь о Великой Матери»)	3
Слово в вечности (Николай Рубцов)	15
Далекий плач (о книге Алексея Шадринова и не только о ней)	20
Уход (памяти Александра Испольнова)	34

II

Звезда Нины Груздевой	37
Ее Тоскана	40
В постоянном поиске	43
Короткие рецензии	45
Послесловие	46

*Издание подготовлено при поддержке
Администрации Вологодской области*

БАРАКОВ Виктор Николаевич

СЛОВО В ВЕЧНОСТИ

(О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ)

Редактор *А. А. Цыганов*

Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 1.06.2000 г. Подписано в печать 19.06.2000 г.
Формат 70×108/32. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 2,1.
Печать офсетная. Тираж 999. Заказ 2590.

Вологодская писательская организация
160035, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.